

Д Ж О Н   С О Н Д Е Р С

БРИТАНСКИЙ ИСТОРИК, ВСЕМИРНО ПРИЗНАННЫЙ
СПЕЦИАЛИСТ ПО АЗИАТСКОМУ И ИСЛАМСКОМУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

ИСТОРИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

**ВЕЛИКАЯ ИМПЕРИЯ
КОЧЕВНИКОВ ОТ ОСНОВАНИЯ ДО УПАДКА**

Джон Дж. Сондерс История монгольских завоеваний. Великая империя кочевников от основания до упадка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468396

История монгольских завоеваний. Великая империя кочевников от основания до упадка / Сондерс Джон Дж., Пер. Л.А. Игоревского:

Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-9524-5341-8

Аннотация

Книга посвящена непревзойденным по размаху монгольским завоеваниям XIII века, когда кочевники Центральной Азии в течение короткого времени завладели территорией, которая простиралась через всю Азию до границ с Германией и берегов Адриатического моря. Автор излагает документально подтвержденную историю взлета и падения великой монгольской империи. Рассказывает о евразийском кочевничестве, нашествии монголов на Европу и христианском ответе на него. Приводит подробности правления монголов в Китае и Персии. Рисует портреты их правителей: великих ханов, и прежде всего

легендарного Чингисхана, монгольских властителей Китая и ханов Золотой и Белой Орды. Повествование завершается тем, как монголы были остановлены на краю Европы и вытеснены с Ближнего Востока.

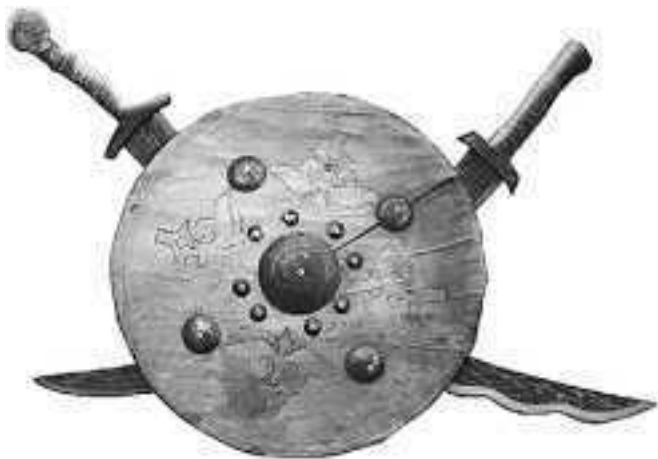
Содержание

Предисловие	6
Генеалогические таблицы	16
Глава 1	19
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Джон Дж. Сондерс
История монгольских
завоеваний. Великая
империя кочевников
от основания до упадка**

JOHN J. SAUNDERS

THE HISTORY OF THE MONGOL CONQUESTS

Оформление художника Я.А. Галеевой

Предисловие

Монгольские завоевания XIII века ввергли мир в хаос. Они охватили территорию от Германии до Кореи, уничтожили королевства и империи и оставили большую часть Старого Света потрясенной и навсегда изменившейся. Тем не менее литературы на эту тему на удивление немного. Существует лишь несколько исследований (в отличие от популярных романтических биографий) Чингисхана. Возможно, из числа романтизированных биографий следует исключить книгу Гарольда Лэмба «Чингисхан. Властелин мира». Живой журналистский стиль автора не всем пришелся по вкусу, однако Лэмб много ездил по Востоку, являлся человеком невероятной эрудиции и предприимчивости, и в его труде нет серьезных ошибок. Книга выдержала много переизданий и переведена на разные иностранные языки.

Ни на одном западном языке нет научного жизнеописания его знаменитого внука Хубилай-хана, которого обессмертили произведения Марко Поло и Кольриджа, и даже самые лучшие труды по общей истории Средневековья лишь вкратце упоминают об этих грандиозных событиях. Причинами столь непонятного пренебрежения, вероятно, являются масштабность предмета и обескураживающие лингвистические проблемы. В целом первоисточники не являются не поддающимися обработке. Но они существуют на таком коли-

честве языков, что справиться с ними всеми может только лингвистический гений. Тот, кто возьмет на себя труд написать историю завоеваний, которая полностью соответствовала бы стандартам современной исторической науки, должен в совершенстве владеть китайским, монгольским, японским, русским, персидским, арабским, армянским и грузинским языками, а также латынью и несколькими тюркскими языками. Подобного Меццофанти (который, как известно, владел 30 языками и 50 диалектами) найти трудно. Однако за последние 200 лет или около того некоторые ученые активно разрабатывали небольшие участки этого обширного поля. Они публиковали критические статьи, переводы, комментарии и научные аннотации, создав таким образом существенную базу точных знаний.

Почетными пионерами в этой области были французы, в первую очередь французские миссионеры-иезуиты в Пекине, которые, по сути, познакомили Китай и Европу в эпоху Просвещения. Отец Антуан Гобиль в 1739 году опубликовал первую достоверную западную биографию Чингисхана (*Histoire de Gentchiscan*), основанную на китайских источниках. А первая книга о Чингисхане – *Histoire de and Genghiscan* — вышла в Париже незадолго до этого, в 1710 году, и была составлена на основе персидских источников, трудов Джувейни и Рашида. Ее автором был Пти де ла Круа, переводчик с восточных языков при дворе Людовика XIV.

Отметим также *Histoire generate de la Chine*, написанную

отцом Жозефом де Майя. Этот труд в тринадцати томах, увидевший свет в Париже между 1777 и 1785 годами, по сути, является переводом *T'ung Chien Kang Mu*, самого полного собрания китайских исторических записей, которое собиралось много лет. Эта ценная публикация дала современным европейским авторам, таким как Вольтер и Гиббон, информацию о восточной стороне монгольских завоеваний. А тот факт, что она в 1969 году была переиздана, указывает, что ее ценность сохранилась.

В посленаполеоновскую эпоху французский синолог Абель-Ремюза исследовал отношения между монгольскими ханами и западными королями. А самый ранний общий обзор монгольской истории был составлен Мураджей д'Оссоном (1780–1855), выходцем из семьи дипломатов и ученых армянского происхождения, который завершил свою карьеру шведским посланником в Берлине. Он впервые использовал богатейшие персидско-арабские источники. Его *Histoire des Mongols*, охватывающая период от Чингисхана до Тамерлана, была опубликована в четырех томах в 1824 году. Она произвела впечатление на многих, в том числе на Гете, который с большим уважением упомянул о ней в беседах с Эккерманом 12 октября 1825 года. Работа была всеобъемлющей и острой, впоследствии почти не потребовала исправлений и по сей день остается лучшим произведением на эту тему в Европе. Второе издание, расширенное и дополненное, датируется 1834 годом, третье – 1852-м.

Труд д'Оссона стимулировал дальнейшие исследования. Это был век Ранке и критической оценки источников. Повествования великих францисканцев Плано Карпини и Рубрика, которые путешествовали по Азии в 1240-х и 1250-х годах – на пике монгольских завоеваний, – были полностью опубликованы в 1839 году на латыни. Неутомимый австрийский востоковед барон Йозеф фон Хаммер, обладавший бесконечным трудолюбием, но не критичностью, написал первое подробное исследование Золотой Орды на Руси (1840) и ильханов Персии (1841–1843). Французский специалист Этьен Катрмер перевел часть «Истории» Рашид ад-Дина, включающую правление Хулагу (*Histoire des Mongols de la Perse*, 1836) и часть масштабной истории Египта Макризи, касающуюся ранних мамлюков (*Histoire des sultans mamelouks* 1837–1845), чей конфликт с монголами в Персии был чрезвычайно важным в мировой истории. Немецкий ученый Франц фон Эрдман создал весьма критичное, хотя и тяжеловесное жизнеописание Чингисхана (*Temudschin der Unerschütterliche*, 1862), основанное по большей части на трудах персидского историка Рашид ад-Дина. Англия не спешила внести вклад в изучение истории монгольских завоеваний, однако между 1876 и 1888 годами сэр Генри Говард (1842–1932) издал свою четырехтомную «Историю монголов», одну из самых неудачных работ в исторической литературе. Говард был человек трудолюбивый и энергичный и живо интересовался азиатской древностью.

Однако он не был экспертом ни в одном из азиатских языков, и его труд является масштабным и неудобоваримым набором фактов из источников, полученных не из первых рук. Автор даже не пытался проявить какую-либо критическую разборчивость.

Еще до конца XIX века русские, которые при последних царях присоединили к своей империи одно за другим ханства Центральной Азии, продемонстрировали впечатляющий прорыв в области исторических исследований. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» Бартольда (1900) – это классический труд. Почти все, что писал автор, пролиvalo новый свет на подъем и упадок кочевых империй Внутренней Азии. Владимирцев рассмотрел сложные, но жизненно важные вопросы социального и экономического фона завоеваний. Переводы на английский язык его жизнеописания Чингисхана (1930) и на французский – «Общественного строя монголов» (1948) познакомили с его историческими исследованиями Запад. Дебаты, начало которым положили эти два выдающихся историка, в сущности, до сих пор не завершены. Правда, впоследствии внимание русских ученых сосредоточилось на археологических раскопках в Туркестане, Монголии и Сибири и на изучении искусства кочевников. Все это помогло нам взглянуть по-новому на жизнь и культуру, торговлю и контакты пастушеских тюрко-монгольских племен, которые оставили очень мало – если оставили вообще – письменных свидетельств. В целом история Централь-

ной Азии возникает из безвестности, но очень медленно.

Тем не менее далеко не все письменные свидетельства, которыми мы располагаем о монгольской эре, изучены и опубликованы. Наш основной источник сведений о Чингисхане, «Тайная история монголов», до сих пор вызывает споры. Специалисты даже не пришли к общему мнению относительно приблизительной даты. Существуют неполные переводы на разные языки. Первый полный перевод был выполнен на немецкий язык Эрихом Хэнишем и опубликован в 1948 году. Последующие европейские и русские издания в той или иной степени опирались на него. Полный перевод на английский язык выполнил Ф. Кливз. Классическим изданием для российской науки стал перевод, выполненный С.А. Козиным. Что касается персидских историков завоеваний, перевод Джувейни доступен в превосходном переводе Бойля, но только отдельные фрагменты всеобщей истории Рашид ад-Дина были опубликованы на европейских языках, в основном русском и немецком. Некоторые армянские, грузинские и египетские арабские хроники доступны на французском и английском языках. Описания латинских путешественников много раз переиздавались и дополнялись, и нельзя не отметить волнующий рассказ Марко Поло, библиотеку средневековых знаний об Азии, снабженный полным научным аппаратом и многочисленными аннотациями в книге Юла и Кордье. Этот труд не превзошла даже более поздняя работа Муля и Пеллио.

Следует отдать должное Полю Пеллио (1878–1945) – самому усердному и эрудированному труженику в области азиатских древностей. Внушающие глубокое уважение лингвистические знания Пеллио в сочетании с проницательностью и безошибочными суждениями осветили даже самые темные уголки средневековой азиатской истории. Почти все, что до него считалось сумбурным и неопределенным, он сделал четким и ясным. Даже его случайные ошибки в некоторых случаях оказались более поучительными, чем истины других авторов. Он не писал общих обзоров, а оставил нам богатое собрание статей, очерков, заметок и критических рецензий, которые позволяют осветить путь всем, кто идет после него. Из этих последователей я не могу не назвать двух выдающихся немцев – Отто Франке, в чьем пятитомнике *Geschichte der chinesischen Reiches* (1930–1952) четко прослеживается история средневекового Китая до прихода династии Минь в 1368 году, и Бертольда Шпулера. Последний с такой же тевтонской глубиной написал историю Золотой Орды и ильханов, которая вытеснила составленный веком раньше труд фон Хаммера. Монгольское вторжение в Европу в 1237–1242 годах подробно рассматривалось учеными всех народов, которым довелось пережить монгольское иго. Но те, кто не знает русского, польского, чешского или мадьярского языка, не имеют возможности получить пользу от этих исследований, в которых, боюсь, патриотизм берет верх над строгой академической беспристрастностью.

Я отлично понимаю, что заниматься предметом такого масштаба и такой природы весьма рискованно. Думаю, многие сочтут, что браться за это — безрассудство. Но когда я убедился, что в английской литературе практически нет книг о монгольских завоеваниях, которые являются важной страницей в мировой истории, и в последние годы специалистами было выполнено немало интересных работ, так и не дошедших до образованной публики, почувствовал, что такая попытка будет оправданной. Нам нужно нечто, выполненное в стиле книги Рене Груссе «Империя степей», где он продемонстрировал мастерское владение искусством популяризации. Поскольку никто не может утверждать, что обладает глубокими знаниями по всей средневековой азиатской истории, я не боялся привлекать на помощь узких специалистов. Не могу не выразить свою глубочайшую признательность профессору из Манчестера Джону Эндрю Бойлу, переводчику Джувейни, который терпеливо прочитал часть рукописи, касающуюся персидской и турецкой истории и филологии, и внес исправления. Профессор Оуэн Латтимор проанализировал и высказал критические замечания относительно того, что я написал о евразийских кочевниках. В лице доктора Игоря де Рачевилца из Австралийской национальной библиотеки я нашел ценного и щедрого гида по хитросплетению лабиринтов сложностей и запутанностей монгольского Китая. Он также восполнил некоторые пробелы, вызванные моим полным невежеством относительно Японии. Сэр

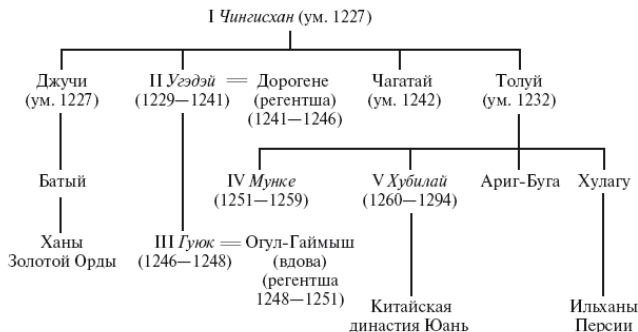
Джерард Клосон прояснил для меня неясные моменты турецкой древности. Профессор Вернадский из Йеля любезно ответил на мои вопросы относительно Золотой Орды. Доктор Боден, преподававший монгольский язык в Лондонской школе восточных и африканских исследований, утверждая, что он лишь в общих чертах знаком со средневековой Монголией, тем не менее дал мне чрезвычайно полезные советы. Не могу обойтись без традиционной оговорки: ни один из этих маститых ученых никоим образом не отвечает за ошибочное изложение фактов или неточность перевода, которые могли ускользнуть от их внимания. Во всех ошибках виновато только мое невежество.

В той мере, в какой современным специалистам, в последнее время пересматривавшим и переоценивавшим литературу о монгольских завоеваниях, удалось достичь консенсуса, они отвергли старую теорию о массовых разрушениях и подчеркнули более позитивные и конструктивные достижения последних строителей великих кочевых империй. Эдвард Гранвил Браун, писавший в мире и покое поздненихилистической эдвардианской Англии, видел в монгольских нашествиях «катастрофу, изменившую облик мира. Она привела в движение силы, действующие до сих пор, и принесла больше страданий человечеству, чем любое другое событие в мировой истории». Вильгельм Бартольд, писавший в год русской революции, возразил ему. Он заявил, что «результатом монгольских завоеваний было намного меньше разру-

шений, чем принято считать». Такая точка зрения сейчас принимается большинством историков. На поколение, пережившее мировые войны и революции, так же как и геноцид во всем его уродливом размахе, большее впечатление производит восстанавливающая сила человеческих сообществ, чем разрушительная сила армий, которыми командуют фанатики-нигилисты. Тем не менее, оценивая результаты, мы не можем не удивляться военным достижениям монголов. Наши предки, склонные к теологии, не могли найти другого объяснения и искренне верили, что ужасные «татары» посланы Богом в наказание за людские грехи. Светский век, хотя и тяготеет к более рациональным оценкам, все же – и это вполне простительно – продолжает говорить о «монгольском чуде».

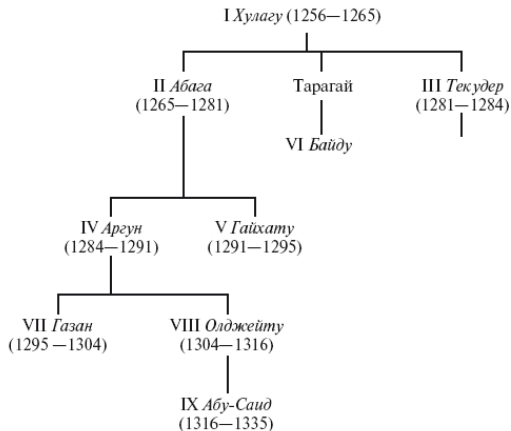
Генеалогические таблицы

Великие ханы

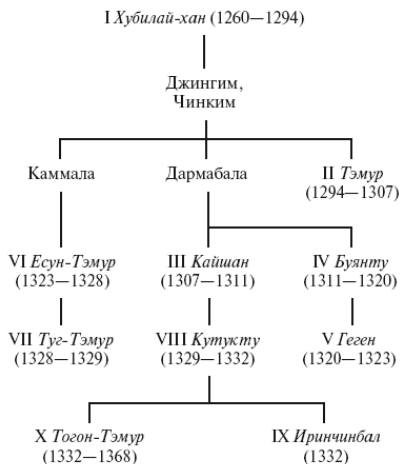

Ильханы Персии

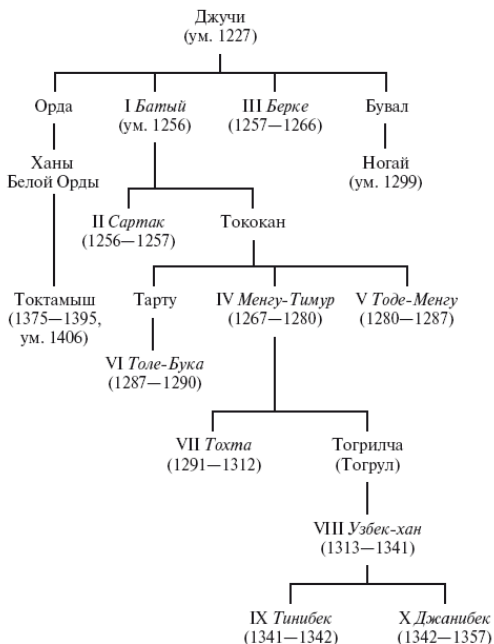
Монгольские императоры Китая

Примечание. Все монгольские правители Китая имели китайские тронные имена, которые здесь не указаны.

Ханы Золотой Орды

(включены только самые известные)

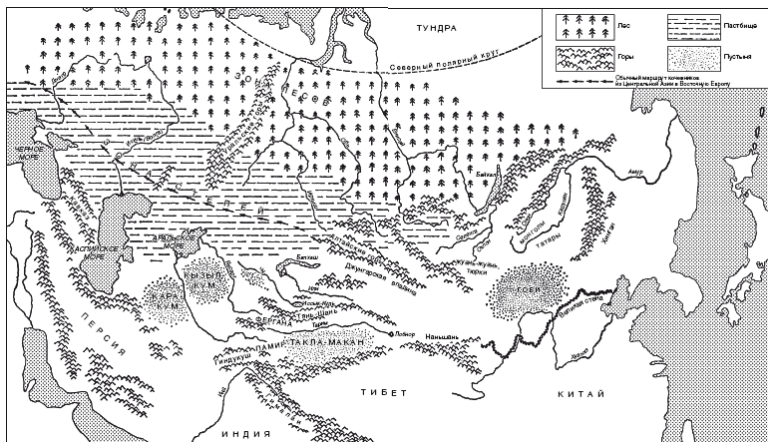
Глава 1

Евразийское кочевничество

В географическом отношении обширный Азиатский континент подразделяется на четыре зоны: 1) тайга – северные леса; 2) степи; 3) пустыни и 4) речные долины юга (Хуанхэ и Янцзы, Ганг и Инд, Евфрат и Тигр, на плодородных почвах которых появились и развились великие цивилизации (китайская, шумерско-вавилонская, индийская).

Северные леса располагаются на высоком расчлененном плоскогорье, спускающемся к Северному Ледовитому океану. Его перерезают могучие реки – Обь, Енисей, Лена и Амур. Лена берет начало в небольшом озере, расположенном рядом с озером Байкал. В этой зоне лесов склоны гор заросли соснами, на равнинах растет кустарник и трава. Дождей здесь выпадает много, однако климат резкий и суровый. В районе Якутска почва постоянно промерзает до глубины 130 метров. Только немногочисленное население охотников и рыболовов выдерживало эти суровые условия. Самоеды – финно-угорское племя, которое может иметь некоторую примесь монгольской крови, было оттеснено сюда из южных степей более сильными племенами и не сыграло заметной роли в истории. В противоположность этому, тунгусы, заселившие Восточную Сибирь и бассейн Амура, време-

нами выходили из лесов и занимались скотоводством и разведением лошадей в регионе между Кореей и горами Хинган. Под разными названиями (сиенпи, чин, маньчжуры) они угрожали китайской империи и покоряли ее.

Родной дом кочевников

Зона пустынь – это унылая местность, которая тянется от Гоби, между Маньчжурией и Великой стеной, через Такла-Макан в бассейне Тарима до Кызылкума, что к юго-востоку от Аральского моря, Гарагума (Каракумы), что к востоку от Каспийского моря и Большой Соляной пустыни Персии. (Заметим, что в монгольском языке гоби – не название, а имя нарицательное, обозначающее участок твердой глины с вкраплениями гравия, в отличие от степей и песчаных пу-

стынь.) В этих местах ни одна из рек не достигает моря. Они теряются в песках или впадают в соляные озера, как Тарим в Лобнор. Гоби – безрадостная пустыня, где есть только песок и камни. Долгое время люди верили, что там живут только демоны, издающие громогласные завывания. Громкие звуки, которые там действительно можно слышать, скорее всего, исходят все же не от демонов, а от перемещающихся под напором ветра песчаных дюн. Растительность – низкорослые тростники. Климат резко континентальный. Зимой и весной бушуют ледяные песчаные бури, дожди бывают редко, но даже после короткого дождя пустыня расцветает. Такла-Макан меньше Гоби. Летом здесь бывают удушающие пылевые бури, так что пересечь пустыню можно только зимой. Даште-Кевир – Персидская пустыня – шириной около 1300 километров состоит не столь из песка, сколь из высохших соляных озер. Там довольно много оазисов, и потому ее пересечение является чрезвычайно опасным, скорее из-за бандитских набегов, чем из-за нехватки воды.

Зона степей – дом пастухов-кочевников – тянется с перерывами через Евразийский континент от Маньчжурии до Венгрии. Согласно классификации древнегреческого географа Птолемея, степи различают следующим образом: *Scythia intra Imaum* и *Scythia extra Imaum*, где *Imaus* — Гималайская горная система, которой Памир является продолжением. (Речь идет о горных и луговых степях.) «Крыша мира» – Памир – поднимается в небо до высоты более 7000 метров

и имеет широкие, напоминающие каньоны равнины между пиками. К востоку располагается горная система Тянь-Шань – Небесные горы, и Алтынтаг. Эти горы вместе с их продолжением Куньлунь окружают бассейн Тарима. К северу Тянь-Шань отделяется Джунгарской впадиной от Алтая – Золотых гор, за которыми раскинулись степи Монголии. Заметим, что, по утверждению многих авторов, название Джунгария произошло от джунгар, которые образовывали левое крыло монгольской армии (джун – левый, тар – рука), захвативших этот регион – бассейн реки Или; название относится примерно к XVI веку. К западу от Памира или, точнее, от Тянь-Шаня местность постепенно понижается к равнинам, по которым текут Волга, Дон и Днепр. По обеим сторонам обширной зоны степей горные хребты пересекают открытые пастбища. В Восточной Азии – Хинганская горная система, а в Европе – Карпаты.

Настоящая степь – это пастбище без деревьев, травянистая равнина между горами, не приспособленная для земледелия, если только не устроено дорогостоящее орошение, но прекрасно подходящая для скотоводства. На пастбищах растет отличная трава. Почва варьируется от каменистой до соляной и суглинков. Климат хотя и суровый и в высокогорьях зимой очень холодно (на Алтае температура ниже нуля бывает до 200 дней в году), чрезвычайно сухой и потому легко переносится, а здешние пастухи славятся своим долголетием. Пастбища Монголии и Киргизии намного обшир-

нее, однако сердцем степей всегда считались пастбища вдоль северных предгорий Тянь-Шаня и южных предгорий Алтая. Через низкие проходы между этими двумя горными цепями конные кочевники с дней скифов до эпохи монголов снова и снова проникали из Азии в Европу.

Кочевое скотоводство не является промежуточной стадией на эволюционном пути от охоты к земледелию. Это в высшей степени специализированный образ жизни, включающий одомашнивание и контроль над самыми разными животными и использование больших участков земли, где редко выпадают дожди, таким образом, чтобы обеспечить выживание людей и животных. Кочевник (его греческое название означает «погонщик скота») пользуется свободой на открытых территориях, считает себя властелином огромных пространств, постоянно перебирается с места на место и зачастую презирает земледельца, который привязан к земле, которую обрабатывает, и обречен на жизнь, полную напряженного физического труда. Мясо животных обеспечивает кочевника едой, их шкуры – одеждой и крышей над головой. Тем не менее он является пленником, а иногда и жертвой времен года, и суровая зима может оказаться для него роковой. Во все века кочевое общество, хотя и предпочитало торговлю грабёжам, часто обладало более или менее развитыми хищническими инстинктами. Борьба за лучшие пастбища вызывала вражду между племенами, а стремление к роскоши – товарам, которые не производила их простая эко-

номика, — гнала кочевников из степей и подталкивала к грабежам полей и городов их оседлых и более цивилизованных соседей.

В этой извечной борьбе кочевники имели бесценное преимущество — они уже успели одомашнить лошадей. Эта революционная инновация была заслугой, вероятнее всего, скифов южнорусских степей и имела место в начале первого тысячелетия до н. э. Операция состояла из двух стадий, которые, несомненно, разделял длительный период времени. Сначала дикая лошадь была одомашнена, так что могла тащить легкую повозку или военную колесницу. Военные колесницы, которые тащили лошади, — в них колесо со спицами заменило сплошное колесо, изобретенное шумерами, — появились у индо-европейских кочевников около 1000 года до н. э. Китайцы стали ими пользоваться вскоре после этого, о чем свидетельствуют останки лошадей в захоронениях династий Шан и Чжоу. Впоследствии появились новые породы лошадей, имеющие достаточно крепкий хребет, чтобы выдержать вес всадника в бою. Эта перемена, скорее всего, имела место между 400 и 200 годами до н. э. Скорость, с которой кочевник мог перемещаться верхом, дала ему на 2000 лет господство над евразийскими степями и сделала его существенной угрозой для оседлых сообществ юга. Главным оружием кочевника был лук, сделанный из рога (дерево являлось недостижимой роскошью в безлесных степях). Лучник довольно быстро научился стрелять из него, сидя вер-

хом на лошади, а изобретение стремени (возможно, изначально китайское) позволило ему стрелять во врага, двигаясь от него. Стремя не могли изобрести задолго до начала христианской эры. И *металлическое* стремя не было изобретением кочевников. Слово изначально означало «подняться», поставив одну ногу в петлю из ремня или каната. Появление стремени привело к укорачиванию седла между передней и задней лукой. Таким образом, всадник смог поворачиваться и стрелять в стороны и назад, не сваливаясь с коня. В китайской литературе стремя впервые упоминается в 477 году.

У кочевника не было постоянного дома. Покрытый шкурами шатер, в котором он жил, легко разбирался, сворачивался, грузился на повозку и перевозился на новое место, где так же легко собирался и устанавливался. Верность кочевника не имела территориальной базы и отдавалась своему клану и лидеру. Согласно степной терминологии, от шести до десяти шатров – юрт составляли лагерь, то есть дом, несколько лагерей – клан, несколько кланов – племя (урук, ил, улус). Должность лидера не была наследственной. Им становился военный вождь, отвага которого проверялась в многочисленных набегах. Правда, нечто большее, чем умение виртуозно владеть оружием, требовалось от человека, который должен был объединить большое племя, состоящее из нескольких разрозненных групп, направлять сезонные миграции больших отар и стад сотен семейств и осуществлять гармоничное

распределение пастбищ. Качество лидерства было не всегда одинаково высоким. Слабый лидер, которого люди презирали, мог только беспомощно наблюдать за распадом своей конфедерации. В то же время сильный лидер мог подчинить себе дальние кланы и сплотить большой народ. Кочевые империи возвышались и исчезали с непостижимой быстротой. Однако основные черты кочевых скотоводческих сообществ степей веками оставались неизменными. Описание, данное Геродотом скифам V века до н. э., с небольшими изменениями вполне применимо к монголам XIII века н. э., какими их изобразили Джованни Плано Карпини и Гильом де Рубрук. Неспособные к социальному и экономическому прогрессу, кочевники веками двигались по одному и тому же кругу. Животные давали им еду и питье, что дополнялось некоторыми овощами, выращивание которых не составляло труда. Занятие добычей ископаемых или каким-нибудь производством повлияло бы на их свободные сезонные миграции. Из всех ремесел они долгое время знали только кузнечное. Если же они испытывали потребность в тех или иных металлических или просто обработанных предметах, их легко можно было купить или украсть у соседей.

Религией кочевников было простое поклонение природе. Для людей, жизнь которых проходила в открытых степях, небо и небесные тела были предметами благоговейного страха и почитания. Тенгри – старое тюркское имя, означающее вечный голубой небосвод, – являлся для них почти личным

божеством, от которого происходит вся сила. Для некоторых кочевников Тенгри, святой покровитель, находился в прямой связи со своим народом, для других такой контакт обеспечивался только при посредстве шамана. Тот, впадая в экстатический транс, поднимался на небеса и узнавал волю божества. Шаманизм возник у жителей северных лесов и распространился на юг в степи, где существовал уже при советской власти, враждебной всем предрассудкам и религиям. Из-за бедности и отсутствия подходящих материалов религия кочевников существовала без алтарей и храмов, однако жертвы приносились на специальных пирамидах, сложенных из камней, а горы, с которых можно было беспрепятственно видеть небо, считались священными. Самой распространенной жертвой божееству была лошадь – наиболее ценное имущество. Когда мужчина умирал, его коня убивали и хоронили вместе с ним, чтобы он мог ездить на нем в следующем мире, а над захоронением часто насаживали на колья выпотрошенных лошадей, предположительно в честь бога Тенгри. Об этом пишет в своих трудах Бойль. Широко распространенная легенда, которую китайцы относят к 150 году до н. э., повествует о существовании где-то в Центральной Азии божественной породы «небесных лошадей», которые потеют кровью и их не может поймать ни один земной человек. К горам, где они жили, люди приводили своих кобыл, чтобы их оплодотворили небесные жеребцы и жеребята унаследовали их особенности. Об этом можно прочитать у Артура Уэйли.

Культура кочевников, по понятным причинам, была бедной. Хотя со временем некоторые их диалекты могли развиться до создания письменности, кочевники почти не оставили письменных свидетельств. Орхонские надписи VIII века, выполненные на древнетюркском языке, и «Тайная история монголов», датированная XIII веком, – единственные исторические документы неграмотной расы, скудные анналы которой собирались их цивилизованными врагами. Но в области искусства их достижения более примечательны. Они вырезали из кости, рога или твердого дерева самые разные предметы: миски и чаши, таблички и тарелки, броши и браслеты, украшая их анималистическими или геометрическими узорами. Их изображения львов и тигров, лошадей и оленей, орлов и соколов демонстрируют завидное мастерство и точность. Традиционные для кочевников виды изобразительного искусства рассеялись, благодаря завоеваниям или влиянию по большей части Старого Света от Китая до Британии. Так, среди предметов, найденных в англосаксонской погребальной лодке XVII века в Суффолке, был кошелек с изображением хищной птицы, выполненной в стиле кочевников.

Языки евразийских кочевников делятся на четыре группы:

1. Иранские или индоевропейские, родственные более позднему персидскому. На них когда-то говорили на востоке – до оазисов бассейна Тарима и Лобнора и, возможно, даже в Кансу. Согдианский и тохарианский – его формы, кото-

рые были выкопаны из засыпанных песком руин Туркестана. Скифы и сарматы говорили на языках этой же группы.

2. Тюркский – агглютинативный язык, вероятно возникший в Алтайском регионе, – намного старше, чем его название, которое прослеживается не дальше чем до VI века. В 500—1500 годах тюркоговорящие народы двигались на запад, постепенно вытесняя иранский язык по всей центральной части Азии. А завоевания сельджуков и османов принесли тюркский язык в Азербайджан, Анатолию и на юго-восток Европы. В Восточной Азии тюркский язык уцелел только среди якутов бассейна Лены – самых северных пользователей этого языка.

3. Монгольский – древний язык, вероятно возникший в лесах, расположенных к северо-востоку от озера Байкал. Но хотя завоевания Чингисхана познакомили с ним жителей обширных территорий, он так никогда и не вытеснил тюркский – основной язык сердца Азии.

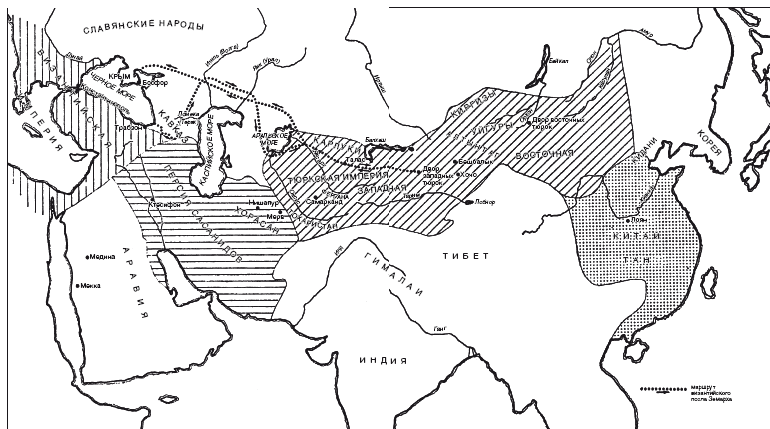
4. Тунгусские языки – группа диалектов, на которых говорили в восточной части Сибири, бассейне Амура и Маньчжурии. Но только один из них – маньчжурский – имел письменность. Нет необходимости акцентировать внимание на том, что речь и раса не всегда имеют одинаковые границы во времени и пространстве. Учитывая постоянные перемещения кочевников, подчиненное племя могло в тот или иной момент принять язык завоевателей, или, наоборот, завоеватели могли принять язык завоеванных племен. Так люди

монгольской крови становились тюркоговорящими, и племена иранской группы начинали говорить на тюркском языке. В некоторых случаях малочисленность свидетельств вообще не позволяет нам установить язык и расу людей, ставших временными хозяевами степей. Несмотря на постоянные исследования филологов, до сих пор не установлено органичной связи между тюркским, монгольским и протоалтайским языком, от которого они оба могли произойти.

Глава 2

Тюркская репетиция монгольских завоеваний

Первыми кочевниками, построившими внушительную империю в Азии, были тюрки, и их обширные завоевания вполне уместно сравнить с монгольскими, имевшими место семью веками позже. Хуину контролировали только Монголию и прилегающие к ней регионы. Скифы и сарматы были хозяевами только русских равнин. Гунны Аттилы правили на территории от Дуная до Волги, эфталиты, они же белые гунны, – от Аральского моря до Гиндукуша. Но декретам тюркского кагана подчинялись на всех евразийских степях от Великой Китайской стены до Черного моря. Далее я намерен обсудить, как эти люди стремительно поднялись от рабства к империи, особые обстоятельства, позволившие им одержать верх, разделив своих соседей и врагов, диких и цивилизованных. Я расскажу, как их собственные ссоры и междоусобицы подорвали хрупкую структуру империи и привели ее к краху и какое наследство они оставили своим преемникам.

Первая Тюркская империя, около 600 г.

В V веке христианской эры пастбища, расположенные к северу от Гоби, были заселены людьми, которых китайцы знали как жуань-жуань (жужане). Их самоназвание не сохранилось, а китайское название весьма правдоподобно объясняется как образованное от глагола «извиваться», потому что китайские чиновники уподобляли их извивающимся гадам. Возможно, они имели монгольское происхождение и говорили на монгольском языке, а их вожди определенно первыми приняли королевские титулы хан и каган (причем хан – сокращение от каган, а вовсе не более низкий титул, как считалось раньше), которым впоследствии было суждено украсить половину азиатских тронов. Они воевали – варвары без этого не могли обойтись – с китайцами, чьи провинции

к северу от Желтой реки управлялись, что было отнюдь не редкостью, китаизированными принцами варварского происхождения Тоба или Топа, правившими под китайским династическим именем Вэй. Среди их рабов или зависимых людей был клан кузнецов, которых китайские анналисты называли *T'ou-kine* или *T'u chüeh* и считали их потомками хунну. Их самоназвание – тюрки. Слово объясняется по-разному – как абстрактное существительное, означающие «сила», и как конкретное существительное, означающее «шлем» – по форме холма в Алтайском хребте, который был их первым местом обитания. Правда, обе эти этимологии отвергает Клосон, предлагая отложить поиск смыслов до того момента, когда у нас появится больше знаний о древних тюрках. Тюркские кузнецы снабжали жуань-жуаней оружием, но при необходимости могли и сами использовать его для защиты своих прав. Ближе к 546 году жуань-жуаням, уже ослабленным и разобщенным бесконечными ссорами внутри правящей династии, угрожало восстание подчиненного племени. Тюрки преданно сражались за своего сюзерена. Восстание было подавлено, и тюркский вождь Бумин (он же Бумын, первый лидер этой расы, упомянутый в истории) захотел получить в качестве награды за преданность руку дочери кагана. Такую дерзость раба посчитали оскорблением, и он получил высокомерный отказ. Бумин поклялся отомстить. То, в чем ему отказали жуань-жуани, было с готовностью предложено ему тоба (топа), которые уже давно ждали возможности

уничтожить своих опасных врагов. Объединенные силы тоба и тюрок напали на жуань-жуаней. Их власть была сломлена, каган совершил самоубийство, а титул и империю присвоил его бывший раб. Бумин, безусловно, стал лидером по заслугам, но его личность весьма туманна, и он недолго наслаждался своим триумфом. Жуань-жуани были уничтожены в 551 году; Бумин умер в 552 или 553 году, и приобретенные им территории были разделены между его сыном Муканом (Муханом), который правил в Монголии, имея титул каган, и его братом Истеми, получившим пастбища в низовье Иртыша и долинах Юлдуза, Или, Чу и Талас и титул ябгу. Заметим, что ябгу – древний титул, возможно иранского происхождения, встречающийся на монетах Кушанского царства.

Судя по китайским записям, новые хозяева степей не слишком отличались от своих предшественников. Племенным тотемом тюрок был волк, отца их расы, как Ромула и Рема, вскормила волчица, и голова волка из золота устанавливалась на верхушке шеста их штандартов. Избранного кагана девять раз обносили вокруг лагеря на ковре из шкур, и на каждом круге он принимал клятвы верности своих людей. Вход его шатра был обращен на восток, из уважения к той части неба, где встает солнце, и он ежегодно посещал священный холм, чтобы совершить жертвоприношение духам предков. Собирая войска для военных действий или скот в качестве налогов, тюрки вырезали требуемое количество на дощечке, к которой добавляли, как знак подлинности, стрелу с

золотистым зубцом, запечатанную восковой печатью. Когда умирал мужчина, его родственники убивали по овце или лошади каждый, объезжали семь раз вокруг шатра, в котором находится тело, стена и нанося себе порезы на лице ножами – имитация кровавых слез на похоронах Аттилы. Тюрки были рады погибнуть в бою и стыдились смерти от болезни.

Быстрота, с которой тюрки заняли место жужан, может отчасти объясняться предрассудками кочевников, свято веровавших в то, что военная победа – знак божественного одобрения и следует немедленно покоряться тому, кто пользуется благосклонностью богов. Новость о тюркских успехах разлетелась по всей Азии. Друзья, союзники и рабы жужан разбежались, и остатки конфедерации ушли на запад за Урал в Европу, где под именем аваров обосновались на равнинах Венгрии и жили там, пока их не уничтожил Карл Великий в конце VIII века. Собственно говоря, идентичность аваров и жужан с абсолютной точностью не установлена. Вопрос осложняется разницей, на которой настаивает Менандр, между истинными аварами, оставшимися в Азии, и псевдоаварами, вторгшимися в Европу. Достижения Бумина были значительными, и он долгое время глубоко почитался своим народом, но он всего лишь несколько месяцев правил объединенной конфедерацией, а после его смерти клановые традиции взяли верх над политической целесообразностью. Новая империя разделилась на восточное и западное ханства (каганаты). Исчезновение единства в конце концов стало роко-

вым, но некоторое время его маскировали дружественные отношения и изворотливость сына и брата Бумина, которые очень быстро научились использовать вражду цивилизованных государств, с которыми у них теперь появился контакт.

На востоке китайские беспорядки практически гарантировали продолжение тюркского правления: после падения династии Хань в III веке эта великая страна не знала мира и единства. Китайские династии, правившие к югу от Янцзы и Хуанхэ, находились в состоянии постоянной войны с двумя царствами Тоба на севере, которые фигурируют в династических анналах как Восточная и Западная Вэй. На западе тюрки, двигаясь за Аральское море к реке Оксус (Амударья), столкнулись с эфталитами – белыми гуннами, с 430 года владевшими греческим царством Бактрия и восточными марками иранского мира, возврат которых был постоянной целью персидской политики. Истеми, ябгу запада, обошелся с эфталитами так же, как его брат с жужанами. Он предложил союз Персии, где в то время правил могущественный Хосров Нуширван (Ануширван). Его дружба и дочь были приняты с радостью. В период между 563 и 567 годами была организована совместная кампания, и эфталиты, оказавшиеся между двух огней, были разбиты. Победители разделили трофеи: Хосров получил давно утраченную провинцию Хорасан, а Истеми аннексировал Согдиану, богатую и плодородную землю за Оксусом, через которую везли шелк из Китая на западные рынки.

После 2000 лет господства кочевников лишь немногие из пастушеских царей Азии оставались безразличными к экономическим преимуществам. Даже самый дикий варвар быстро начинал понимать, что лучше взимать налоги, чем грабить купцов и производителей, а патрулирование дорог, подавление бандитизма и поддержка торговли – самый верный метод обеспечения процветания государства или племени. Китайский шелк долгое время пользовался большим спросом на западе, и дороги через оазисы Центральной Азии веками являлись главной артерией мировой торговли. Но до того, как ценный груз выгружался в Александрии, Антиохии или Константинополе, он должен был проследовать через территорию Персии, извечного врага Рима. В процессе постоянных войн между двумя великими державами торговые эмбарго нередко останавливали поток. Во время правления Юстиниана была сделана попытка начать производство шелка в Греции, чтобы сделать империю независимой от поставок с Дальнего Востока, но только римские торговые дома не желали отказываться от импорта более качественных продуктов из Китая. Появление тюрок в Западной Азии открыло новые и чрезвычайно благоприятные перспективы. Согдиец Маннах, имевший, можно предположить, финансовые интересы в торговле шелком, предложил Истеми установить прямой контакт с римлянами и лично возглавить посольство в Константинополь. Предложение было принято, миссия отправлена, послы в 568 году добрались до имперской столицы

и получили аудиенцию у Юстина II, племянника великого Юстиниана. Так византийский мир получил первое впечатление о народе, который девятью веками позже провозгласит тюркский суверенитет над городом великого Константина.

Китайцы, находившиеся на восточном конце степной страны, и греки-византийцы, располагавшиеся на ее западном конце, являются нашими главными источниками информации. От них нам известно об образе жизни и законах, войнах и истории неграмотных племен, которые они презирали и которых боялись. Сведения от послов Юстина и его преемников приподнимают завесу над неизвестными тюрками и подробно описывают обычаи их двора и мотивы политических решений.

Императору Юстину Маннах привез предложение дружбы и союзнических отношений от своего сюзерена Истеми.

Он доложил о крахе эфталитов и представил общие интересы двух суверенов, как заключающиеся в поддержании непрерывного торгового обмена. Византийцы заинтересовались. Они могли подозревать, что с исчезновением эфталитов отношения между тюрками и персами станут напряженными, и объединение с государством, которое может вскоре вступить в конфликт с Хосровом, было бы надежной политикой. Земарх из Киликии был отправлен для сопровождения Маниаха в обратный путь и передачи приветствия своего имперского хозяина тюркскому ябгу. Отчет этого проницательного и наблюдательного дипломата, сохраненный для нас

Менандром, является ценным изображением образа жизни ранних тюрок. Византийские авторы скрывают имя Истеми под такими исковерканными формами, как Дизабул и Сизибул, причем второй и третий слоги этих имен почти наверняка являются искажением титула ябгу. После длительного и нелегкого путешествия они прибыли к границе Согдианы, где тюрки предложили им железо для продажи, и проследовали ко двору Истеми у подножия горы Эктаг – Актаг – Белая гора. Это скорее Тянь-Шань, чем Алтай. Согласно Шаванну, лагерь – орда – ябгу, вероятно, располагался в долине Текеса, притока реки Или. Пройдя между двумя кострами, чтобы нейтрализовать коварные планы злых духов, они были препровождены к Истеми, которого обнаружили в шатре, увешанном расшитыми золотом шелками, сидящим на золотом стуле с двумя колесами. Он принял их любезно, устроил в их честь несколько пиров – как принято у варваров, и с детской гордостью продемонстрировал свои сокровища, расположенные в соседних шатрах. Среди них был трон, который поддерживали четыре золотых павлина, серебряные блюда и прочая утварь, погруженная на повозки. Византийские ожидания оправдались. Тюрки и персы находились на грани войны, и Истеми предложил Земарху сопровождать его в предстоящей военной кампании. В Таласе ожидал посол Хосрова. За ужином тюрок усадил императорского посла рядом с собой и вел с ним самые дружелюбные беседы, а представителя шаха намеренно игнорировал. Тем самым он обозначил

свою политику и предпочтения. Византийско-тюркский договор о союзе был ратифицирован. Земарх с тюркским эскортом вернулся через Амту, Яик (Урал) и Волгу, избежал засады персов при переправе через Кубань и после остановки у вождя аланов на Кавказе благополучно прибыл в порт Трабзон, откуда отплыл в Константинополь.

Все же Земарх мог получить несколько тревожные впечатления о военной мощи новых суверенов степей, и, если Истеми рассказал ему, что духи предков предупредили его, что настало время тюркам завоевать весь мир, византийское правительство могло посчитать своим долгом принятие некоторых мер предосторожности. Все же угроза была слишком велика. Заметим, что об амбициях тюрков писали не современные византийские историки, а Михаил Сириец, автор XII века. Беглые жужане или авары добрались до равнин Северного Причерноморья и попросили защиты и дружбы Константинополя. Византийцы, верные своей традиции настраивать одну варварскую орду против другой, удовлетворили их просьбу. Тюрки были раздражены. В 575 году умер Истеми, и император Тиберий, управлявший от имени душевнобольного Юстина II, отправил миссию под руководством своего сына Валентина, чтобы поздравить сына и преемника покойного Тарду. Последний упрекнул византийцев в предательстве и обещал отомстить. «У тебя столько же языков, сколько у меня пальцев, — заявил он, — языков обмана и вероломства». Он послал армию, чтобы оттеснить аваров дальше

на запад и захватить византийские поселения в Крыму. Отряд тюркской кавалерии, действовавшей из Кубанской долины, в 567 году пересек Керченский пролив, захватил город Босфор – древний Пантикапей, и в 580 году появился под стенами Херсонеса, самоуправяемого греческого города, руины которого до сих пор видны в нескольких милях от современного Севастополя. Персидская война остановила дальнейшую агрессию в Европе. В 590 году тюрки оставили Крым, и восемь лет спустя Тарду, не принявший титул кагана и взявший под контроль восточное ханство, уладил ссору с Византией и в послании императору Маврикию поздравил его вполне по-дружески и назвал себя хозяином семи рас и семи климатических зон в мире.

Хвастовство оказалось тщетным, и очень скоро тюркское господство пошло на убыль. За пятьдесят лет тюрки овладели евразийской степью и стали разговаривать на равных с суверенами цивилизованного мира, но, в отличие от монголов более позднего времени, они столкнулись с вызовами, на которые могли дать лишь слабые и неадекватные ответы. Упадок и крах их власти можно объяснить следующим течением обстоятельств:

1. Бумин, их основатель, умер раньше, чем успел объединить территории, которые покорил, и роковое средство – раздел своего наследства – уничтожило единство и согласие нации. Формальный разрыв между восточными и западными тюрками имел место в 584 году, когда Тарду захватил титул

кагана и вассал стал претендовать на власть.

2. Единство Китая было восстановлено почти тогда же, когда его утратили тюрки. При новой местной династии Суй, которая взошла на трон дракона в 589 году, возродилась традиционная политика китайского чиновничества; варварам, кочевавшим за стеной, то противостояли силой оружия, то заманивали богатствами и должностями в лоно цивилизации, и их домашних врагов либо подкупали, либо уговаривали отказаться от лидерства. Когда Тарду попытался захватить восточное ханство, племя толосов, или телешей (предки уйгуров), подняло восстание и в 603 году свергли его, после чего его собственное ханство распалось на части.

3. Преждевременное падение династии Суй могло оживить надежды тюрков, но Суй сменилась династией Тан, которая правила почти 300 лет (618–907) и подняла Поднебесную на новые высоты славы. Ли Шиминь, сын основателя династии, был великолепным солдатом, о подвигах которого рассказали хронисты. Во время стычки с тюрками внезапно начался сильный ливень с ураганом, стрелы варваров намокли и раздулись, и ими стало тяжело стрелять. «Друзья! – воскликнул принц. – Вся степь превратилась в одно большое озеро. Наступает ночь. Скоро стемнеет. Мы должны атаковать немедленно. Тюрков стоит бояться, только когда они могут выпускать свои стрелы. Давайте обрушимся на них с мечами и пиками и отбросим их раньше, чем они сумеют наладить оборону». Его люди откликнулись, и тюрки были от-

брошены в Монголию. Двумя годами позже (626) Ли Шиминь взойшел на трон под именем Ли Тайцзун. Он энергично продолжал войну. Каган Сели попал к нему в плен. Тюркские лидеры признали власть Сына Неба, и более пятидесяти лет (630–682) восточный ханат был зависимым от Китая. «Сыновья тюркской знати, – сказано в орхонской надписи, – стали рабами китайского народа, и ее невинные дочери были обращены в рабство. Благородные, отказавшись от своих тюркских титулов, приняли титулы Китая и выразили покорность китайскому кагану, посвятив свои труды и силу его службе в течение пятидесяти лет». Тень династии Тан пала на Азию. Четыре города-оазиса – «царства» бассейна Тарима – Кашгар, Хотан, Яркенд и Куча – получили китайские гарнизоны. Китайское оружие, принесенное на запад до самого Памира, казалось готовым объять западную часть тюркской нации, если бы в Западной Азии не появилась новая сила – арабы.

4. Проект тюрко-византийского сотрудничества так и не был реализован, а поражение и смерть Тарду в 603 году оставили деморализованных западных тюрок не в том состоянии, чтобы они могли получить выгоду от последней великой дуэли между византийцами и персами, которая тянулась с 603 до 628 года. Эта борьба принесла крах Сасанидам и обеспечила арабам легкий доступ на иранское плато. Арабы вторглись в Персию в 633 году. Последний сасанидский шах был убит возле Мерва в 651 году, и армии халифа пере-

правились через Оксус в 667 году. Впервые между арабами и тюрками начался вооруженный конфликт. Если бы тюрки были сильным и единым народом, они могли бы изгнать арабов из Трансоксианы и захватить ценные фрагменты исчезнувшей персидской монархии. Но их весьма свободная конфедерация раскололась еще в 638 году на две группы, из пяти племен каждая. Их разделяла река Чу. Вождь одного из племен, тюргешей, узурпировал титул кагана и устроил свой лагерь – орду – в районе Суяба, что недалеко от современного Токмака, к западу от озера Иссык-Куль. Пример успешного восстания оказался заразительным. Теперь каждый город или регион управлялся собственным ябгу и как минимум один – хатун, царицей. Арабы пришли в раздробленный и отчужденный мир, и вскоре новые противники – халифы и династия Тан – встретились на Памире.

Китайцы проникли вглубь владений западных тюрков еще в 656 году. Хаган был разбит в сражении к западу от Иссык-Куля, и территория получила статус имперского протектората. Тем не менее в течение нескольких лет тюрки востока и запада вернули свои богатства и стали наслаждаться последней эрой успеха и блеска. В 665 году западные тюрки восстали против назначенных китайцами ханов. В 670 году обитатели Тибета вторглись в бассейн Тарима и нарушили китайские связи с западом. В 682 году восточное ханство вернуло независимость, о чем подробно рассказано на известных орхонских монументах, возведенных веком поз-

же при новом кагане по имени Кутлуг – «счастливчик». Его соратник Тоньюкук, которого соплеменники считали мудрейшим из тюрков, получил образование в столице китайской империи Тан. Гробница, два столба и шестьдесят четыре строки надписей, найденные в районе Урги (Улан-Батор) в 1897 году, увековечивают память тюркского государственного деятеля, умершего в 730 году в возрасте более 70 лет. В правящем доме Тан началась вражда после смерти Тай-цзуна. В 690 году трон был захвачен его бывшей наложницей, знаменитой императрицей Ву, которая с помощью уйгуров вытеснила тибетцев из оазисов Тарима, но не сумела сокрушить тюрков. Те за двадцать пять лет правления брата и преемника Кутлуга, которого звали Мо-чо (691–716), стали сущим бичом Китая. (Понятно, что Мо-чо – китайская транскрипция; правителя звали Капкан.) В 699 году этот способный и амбициозный принц был признан своими западными соплеменниками как верховный каган, и единство нации на короткое время было восстановлено. Он погиб в 716 году, попав в засаду на реке Тола в Монголии, и его племянники Кюльтегин и Бильге, судя по всему бывшие соправителями, были последними эффективными каганами древних тюрков. Отметим, что имя Бильге в китайской транскрипции было Мо-лш-льен, а на памятниках он фигурирует как Бильге-каган – «мудрый каган». Покоренные племена восстали против братьев. Престарелый Тонью-кук отговорил Бильге от вторжения в Китай, где тогда правил Сюань-цзун (712–

756). Он настоял, что нет смысла без необходимости увеличивать число своих врагов, и, возможно, в 722 году договорился о мире с династией Тан. Кюльтегин умер в 731 году, и его брат возвел на берегу озера Кочо-Цайдам в долине Орхона погребальный комплекс с записью панегирика, которая является старейшим образцом тюркского письма и ценным памятником тюркской древности. Такое свидетельство культурного роста вроде бы предрекало тюркам цивилизованное будущее, однако, когда Бильге в 734 году был отравлен, его ханство распалось. Три мятежных племен – уйгуры, басмилы (басмылы) и карлуки – разделили между собой территории. Последние представители дома Бумина бежали в Китай, и титул кагана присвоил вождь уйгуров, которые правили в Монголии почти целый век (744–840).

Почти в то же самое время пришел конец господству тюрков на западе. Амбиции тюргешей давно подрывали устойчивость западного ханства. А все тюркские племена оказались между китайцами и арабами, соперниками за господство в Центральной Азии. Арабы переправились через Оксус в 667 году. Их продвижение, задержанное гражданскими войнами в халифате, возобновилось в начале VIII века. Его возглавил Кутайба ибн Муслим, который за десять лет (705–715) захватил всю Трансоксиану, проник в Фергану и угрожал Кашгару. Об этом подробно пишет Гамильтон Гибб. Тюрки, раздробленные и ослабевшие, попросили китайцев о помощи, но династия Тан была занята разборками с агрессивными ти-

бетцами, захватившими регион Гильгит, расположенный в Гиндукуше, и только в 747 году Сюань-цзун отправил корейского генерала Гао Сяньчжи, чтобы восстановить китайскую власть на всем протяжении Шелкового пути и остановить нашествие арабов. Тюрки оказались не более чем зрителями мощного столкновения двух могучих противоборствующих сил. В районе Таласа на Памире (Талас (Тараз) располагался возле современного города Джамбул в Казахстане) летним днем 751 года арабы с помощью карлуков уничтожили силы Гао Сяньчжи, и китайцы навсегда отказались от претензий на землю, впоследствии ставшую Западным Туркестаном. Таким образом, через два века после свержения жужан Бумином тюркская конфедерация распалась, и в степях осталось множество племен, которые все еще говорили на тюркских диалектах, но быстро забывали о великих днях каганов.

В общем контексте мировой истории эпизод с первой тюркской империей имеет большую важность.

Тюрки показали, что хорошо организованная конфедерация кочевых племен может захватить контроль над практически всей евразийской степью от Монголии до Украины. Средства, с помощью которых они это сделали, остались нам неизвестными. Их успех не был связан с использованием новых военных техник, да и лидера масштаба Аттилы или Чингисхана у них не было. Вероятно, они создали политическую и военную систему, которая была выше, чем у хун-ну, сянь-

би, эфталитов и жужан, чье господство в степях было более ограниченным и эфемерным.

Тюрки были первыми варварами, создавшими настолько обширную империю, что она граничила в разных местах с четырьмя великими цивилизованными государствами: Китаем, Индией, Персией и Византией. Их отношения с этими государствами были иногда дружественными, иногда враждебными, но и в мирное, и в военное время поток торговли и идей, который тек через сердце Азии, был намного глубже, чем в другие века. Под покровительством каганов число купцов и миссионеров на дорогах постоянно увеличивалось. Через тюркский канал несторианцы (первые несторианские миссионеры прибыли в Китай в 636 году и были приняты Тай-цзуном, вторым императором династии Тан), манихейцы и буддисты попадали из Западной в Восточную Азию. Любопытно, что в обратном направлении религиозного движения не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.